

А. В. Мосяков¹**ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ:
ПЕРЕХОД КОНФЛИКТА РЕГИОНАЛЬНОГО В КОНФЛИКТ ГЛОБАЛЬНЫЙ**

Сегодня при изучении конфликтов, которые разворачиваются в Азии, все больше внимания уделяется не только политическим или экономическим, но и социокультурным факторам. Есть много примеров, где именно они предопределяют то, как и каким образом будет разрешен тот или иной конфликт. Последний пример — события на Корейском полуострове, где обе стороны (и Юг, и Север) для объяснения своих действий по взаимному примирению все время апеллируют к общеазиатским культурным ценностям, преданиям и героям.

В Южно-Китайском море конфликт носит принципиально иной характер, но и здесь социокультурные факторы — традиционное китайско-вьетнамское культурное поле с неписаными, но вполне реальными правилами и традициями, — уже долгое время препятствуют его разрастанию и началу войны между двумя соседними странами. Правда, сейчас значение этих факторов несколько снижается, так как ситуация в Южно-Китайском море существенным образом отличается от той, с которой мы имели дело сравнительно недавно. Конфликт в этом регионе носил сугубо региональный характер и охватывал Китай и его соседей по Южно-Китайскому морю. Но за последнее время в конфликте произошли радикальные перемены, которые показывают, насколько неопределенными и серьезными для глобальной безопасности могут быть контуры будущего.

Два события, о которых мы расскажем далее, способствовали кардинальным изменениям. Все прогнозы аналитиков о благоприятных перспективах на мир и стабильность в этом регионе, вполне вероятном компромиссе, основанном на близости культур и менталитета участвующих в конфликте сторон, оказались абсолютно ошибочными. Контуры будущего на самом деле были совсем другими, чем все предполагали.

Первое ключевое событие, влияние которого ощущается ныне и, как представляется, будет только усиливаться в будущем, — это решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге. Как известно, этот суд своим решением в июле 2016 года не признал за Китаем юридического права на 80 % акватории Южно-Китайского моря, отверг идею исторического права как аргумента в этом споре и постановил, что един-

ственным путем юридического урегулирования конфликта может быть только основанный на современном международном праве. Хотя Китай и некоторые другие страны, в том числе Россия, не признали решения этого суда, посчитав их не вполне объективными, юридические обоснования и основные принципы, сформулированные им, так же как и известная Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, остаются сегодня единственным основанным на международном праве фундаментом урегулирования конфликта. В связи с этим можно сказать, что конфликт в Южно-Китайском море будет решаться не в восточном, а в западном культурном поле безо всяких указаний на выдающуюся роль Китая в истории и культуре этого региона.

Уже понятно, что если в перспективе процесс мирного урегулирования в Южно-Китайском море и получит развитие, то он не будет основан на согласовании местных традиций и преданий как ключевых элементов переговоров, то есть на историческом праве. Страны АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии), признав решения трибунала, фактически отказались от этого пути. Они согласились с тем, что переговоры должны проходить только на основе современного международного права, что сразу, с одной стороны, заметно упростит процесс урегулирования конфликта, а с другой — усложнит его, так как огромный культурно-исторический пласт окажется вне рамок аргументации и поля рассмотрения. Китай, естественно, не согласится с таким подходом, и юридический процесс урегулирования конфликта в Южно-Китайском море в том виде, в котором он существует сегодня, неизбежно завянет на долгое время, если не навсегда.

Не менее, а может быть, и более важным вторым ключевым событием, которое привело к тому, что качественно изменилась вся политическая архитектура конфликта в Южно-Китайском море, явилось фактическое превращение США в его полноценного участника. Это произошло не сразу, было время (как, например, на первом саммите США–АСЕАН, состоявшемся в 2009 г.), когда американские представители в строгом тоне общались с лидерами стран — членом блока и даже указывали им на то, что не следует жаловаться на Пекин в Вашингтоне, что политические элиты стран АСЕАН должны сами искать компромисс с Китаем. Еще раньше серьезные трения возникли между США и АСЕАН по поводу перспектив председательства Бирмы в этой международной организации в 2006 году, предусмотренного принятым в ней порядком ротации. В связи с этим Вашингтон выступил с рядом резких предостережений, граничивших с прямой угрозой, указав, что такое решение серьезно осложнит американский подход к АСЕАН. Подтверждая формальное предостережение, в мае 2005 года государственный секретарь США Кондолиза Райс демонстративно бойкотировала ежегодное совещание Регионального форума

¹ Руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой регионоведения Московского гуманитарного университета. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ», «Социально-политическое развитие Камбоджи в XX веке. Деревня и власть», «История Юго-Восточной Азии», «Юго-Восточная Азия: проблемы формирования цивилизационной общности», «История Камбоджи. XX век», «Политика Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем» и др. Организатор проекта «Мониторинг современной истории стран Юго-Восточной Азии», читает учебные курсы в Казанском государственном университете, Йельском университете (США), Университете Хосэй (Япония) и др. Член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня».

АСЕАН по безопасности (АРФ). Далее последовала открытая угроза со стороны американцев, что если эта организация будет упорствовать и военное правительство Бирмы все-таки займет председательское кресло, Вашингтон откажет АСЕАН в экономической помощи¹.

Но этот жесткий подход американской администрации к АСЕАН претерпел изменения с приходом к власти президента Обамы. Новый госсекретарь США Хиллари Клинтон приняла участие в саммите Регионального форума АСЕАН по безопасности на острове Пхукет (Таиланд). В ходе пресс-конференции она жестко заявила, что США «вернулись в Юго-Восточную Азию»². Было объявлено о намерениях Штатов открыть постоянное представительство при АСЕАН во главе с послом-резидентом. По итогам встречи был сделан первый важный шаг навстречу новым американско-асеановским отношениям — подписан документ о присоединении США к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (ТАС)³, что до этого всегда являлось негласным и необходимым правилом для тех, кто желал установления более тесных отношений с АСЕАН.

Главной причиной, которая заставила американцев изменить свой подход к АСЕАН и сделать страны — члены этой организации своими потенциальными союзниками, стало очевидное возвышение Китая, когда Пекин стал проводить все более независимую от США и в некотором смысле экспансионистскую политику на островах и в акватории Южно-Китайского моря. Примерно 80 % акватории этого моря он объявил своей территорией и тем самым резко обострил ситуацию в регионе, так как положение, интересы и права других стран оказались серьезно нарушены. Для восстановления статус-кво большинство государств — членов АСЕАН обратились за поддержкой к США и фактически сами убедили американцев вернуться в этот регион в качестве их защитников от растущей угрозы безопасности со стороны Китая.

Сегодня в рамках политики возвращения США в Азию американцы активно вмешиваются в конфликт в Южно-Китайском море, их корабли бороздят объявленные Китаем закрытыми для других судов зоны в районе спорных островов, подвергая мир опасности прямого столкновения с китайскими войсками. Развернувшееся американско-китайское противостояние в Южно-Китайском море превратило вялотекущий конфликт государств-соседей, который долгое время мало кого интересовал, в противостояние современных сверхдержав. Причем нарастание этого конфликта происходило так, как будто события были списаны с учебника по политологии: конфликт зарождается из малопонятных мелких противоречий, а потом, если его не купировать, начинает разрастаться, получает собственную логику и в конце концов втягивает все новые страны

¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-prishestvie-ssha-v-yugo-vostochnuyu-aziyu>

² Availability at the ASEAN Summit. Clinton H. R. The United States is back in Southeast Asia. Phuket, Thailand, 22 July 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/july/126320.htm>

³ Remarks by Hillary R. Clinton from the Signing Ceremony of the Treaty of Amity and Cooperation Accession, Phuket, Thailand, 22 July 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/july/126334.htm>

и народы. Конфликт в Южно-Китайском море прошел уровень двусторонних споров и столкновений между Китаем и Вьетнамом за малоизвестные безводные крошечные острова и рифы, затем перешел на стадию регионального конфликта, в который оказались втянуты Китай и страны АСЕАН, в первую очередь, Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Бруней, а позже — Индонезия. На этот уровень конфликт перешел после того, как в 2009 году, как мы уже отмечали, КНР объявила 80 % Южно-Китайского моря своей территорией, полностью проигнорировав интересы своих соседей.

Следует отметить, что до появления американцев, даже несмотря на общий негатив в развитии конфликта, многие аналитики в регионе и за его пределами полагают, что взаимные претензии стран Юго-Восточной Азии и Китая постепенно найдут свое разрешение. При этом важную роль в аргументации играли факторы культурного порядка: близость основных взглядов и жизненных стереотипов, традиция взаимных уступок, связанная с тем, что противостоящие силы будут делать все, чтобы никто серьезно не проиграл и все сумели бы «сохранить лицо» при достижении компромисса. Многие указывали на важное культурно-политическое влияние местных китайских диаспор, глубоко интегрированных в политическую элиту стран Юго-Восточной Азии, которые также вполне могли бы способствовать разрешению конфликта. Таким образом, контуры будущего в контексте регионального культурного поля выглядели вполне позитивно.

Приход американцев с их энергией, агрессией, мощной культурной мифологией буквально все смял и изменил ситуацию. Альтернатива китайскому политико-культурному доминированию активизировала в странах Юго-Восточной Азии разнородные модернистские силы, которые стали активно пропагандировать американский культурный стереотип и тем самым подготавливать национальные сообщества к более близким отношениям с США.

Сегодня в связи с вовлечением в региональные противоречия американцев конфликт в Южно-Китайском море перестал быть региональным. Он превратился в глобальный, угрожает стабильности и безопасности и в Южно-Китайском море, и в Азии, и во всем мире. Дело в том, что любое военное столкновение китайских и американских сил может спровоцировать большую войну между ведущими мировыми державами. Угроза такого развития событий возникает регулярно, так как либо американский самолет пролетит под прицелом китайских ПВО в районе, объявленном КНР запретным, либо эсминец США пройдет под дулами китайских пушек в зоне насыпных островов, которая также объявлена Китаем запретной. Любой несанкционированный и случайный выстрел может кардинально изменить ситуацию. Причем положение в сфере безопасности только ухудшается, особенно после того как было объявлено, что с 18 февраля 2017 года в Южно-Китайском море началось патрулирование группы американских военных кораблей, которую возглавил авианосец Carl Vinson. Поставленная тогда задача постоянного присутствия американского флота в Южно-Китайском море стала лишь прелюдией другого — более

опасного для мира и стабильности в регионе — решение, что американские корабли на регулярной основе будут заходить в зоны, которые Китай объявил для них запретными. Это означает, что весь регион Юго-Восточной Азии буквально обречен на постоянную нервозность и нестабильность, ожидание конфликта, как это уже бывало не раз. Последний случай произошел 2 июля 2017 года, когда американский военный корабль *Stethem* намеренно и демонстративно зашел в воды спорных территорий в Южно-Китайском море, провоцируя китайскую береговую артиллерию на ответ.

Более того, сегодня можно говорить не только о новом глобальном качестве конфликта, но и о новом витке культурно-политического соперничества, когда великие державы апеллируют к странам региона в поисках поддержки. И здесь «мягкая сила» американцев, основанная на хорошо развитом культурном мифотворчестве о мессианской роли Америки в мире, явно переигрывает мифологему китайцев относительно исторической и культурной общности, способности лучше других понимать друг друга и разрешать мирным путем имеющиеся противоречия. Но проблема заключается еще и в том, что контуры будущего в условиях серьезного успеха американского мифотворчества характеризуются новыми конфликтами, атмосферой взаимного непонимания и напряженности. Причина кроется в том, что американские культурные стереотипы и доминанты, укореняясь среди политических элит стран Юго-Восточной Азии, разрушают традиционное культурное поле Большой Восточной Азии, порождая взаимное недоверие и непонимание. И даже если представить себе, что через некоторое время американцы все-таки уйдут, неясно, как страны Юго-Восточной Азии и Китай смогут восстановить общее культурно-политическое пространство, когда между ними будет лежать пропасть культурного непонимания и глубокого взаимного недоверия.

Естественно, подобное развитие событий не дает поводов для оптимизма относительно возможности урегулирования конфликта. Но можно оттолкнуться от этих хорошо известных и очень опасных явлений и событий и попытаться понять, что, собственно, меняется в новой ситуации, когда конфликт в Южно-Китайском море приобрел черты конфликта глобального. Первое, на что сразу обращаешь внимание, — это совершенно иное освещение в мировой прессе событий в регионе, а также роль и место в обсуждении на крупнейших международных форумах и особенно в ООН. Я специально проанализировал два важных события, которые произошли сравнительно недавно: первое — это обострение китайско-индонезийских отношений по поводу островов Натуна, второе — плавание американских эсминцев (сначала *Stethem*, а в марте нынешнего года — *Mustin*) в запретной зоне насыпных островов, построенных Китаем. Об обострении китайско-индонезийских отношений и мерах Индонезии по упрочению своего присутствия на островах Натуна сообщали главным образом в региональной прессе стран АСЕАН, на международной арене было сделано лишь несколько коротких сообщений. Проход *Stethem* получил широкую известность в мировой прессе —

об этом писали все американские газеты, обсуждали аналитики с CNN, не говоря уже о региональных медиа стран АСЕАН. То есть первая новость осталась во многом региональной, вторая же вышла на мировой уровень, подчеркивая глобальное значение самого события.

Но глобальность в отношении конфликта в Южно-Китайском море состоит не только в масштабе освещения, более важным является то, что переход конфликта на глобальный уровень коренным образом меняет всю политическую архитектуру в ситуации, сложившейся в Южно-Китайском море. Действительно, в новых условиях и конфликт между Китаем и Вьетнамом, и конфликт стран АСЕАН с Китаем как бы отходят на второй план, никуда не исчезая, но уступая место глобальному противоборству. В связи с этим меняются и основные мотивации и, так сказать, реперные точки, определяющие характер конфликта. Ведь если в условиях противостояния с Вьетнамом и Филиппинами действия Пекина, без сомнения, носили в определенном смысле экспансионистский характер, то в новой ситуации эти действия получают несколько иное измерение — могут рассматриваться как формирование оборонительной линии безопасности КНР против угрозы со стороны США. Новое качество конфликта неизбежно порождает и новые обострения старых явлений, и вот уже строительство насыпных островов можно рассматривать не как жест, явно недружественный по отношению к своим соседям, а как попытку создать альтернативу американским авианосцам, превратив насыпные острова в неприступные крепости, способные контролировать значительные морские акватории. Как мы видим, в новой реальности старый конфликт теряет, казалось бы, незабываемые ранее оценки и ориентиры.

Кроме того, в новых условиях конфликт стран АСЕАН с Китаем перестает быть ключом к решению конфликта, пальма первенства переходит к отношениям США и Китая. Более того, АСЕАН оказывается в сложном геополитическом положении, когда требуются определенное искусство и воля, чтобы сохранить свободу действий и внутреннее единство в ситуации, когда и США, и КНР остаются ключевыми и важнейшими партнерами в экономике и политике. Американцы сегодня, несмотря на смену администрации в Вашингтоне, в целом продолжают придерживаться так называемой «хедж полиси» — стратегии, направленной на то, чтобы превратить соседей КНР в ее врагов и, соответственно, в друзей и союзников США. Таким образом они рассчитывают контролировать ситуацию в регионе и иметь рычаги влияния на страны АСЕАН, а через них — и на Китай. К сожалению, единой линии в отношении американских усилий пока не просматривается, достаточно сравнить политику равноудаленности с очевидным креном в сторону Китая, проводимую Филиппинами под руководством президента Дутерте, и все более проамериканскую линию Вьетнама, который видит решение вопросов своей безопасности в большем сотрудничестве с США. Можно вполне определенно сказать, что соперничество Пекина и Вашингтона создает угрозу единству

АСЕАН, не только раскалывает этот блок политически, когда Камбоджа, например, превращается в рупор Китая в АСЕАН, а Сингапур — в главного американского союзника в регионе, но и подрывает основы общей культурной идентичности стран Юго-Восточной Азии. Дело в том, что различная политическая ориентация — либо на КНР, либо на США — во многом определяет разные траектории культурного развития и, соответственно, совершенно неопределенные контуры будущего всего региона.

Если проанализировать сложившуюся сегодня ситуацию в Юго-Восточной Азии, то можно сделать вывод, что наряду с тревогой и пессимизмом относительно возможностей договориться, понять друг друга и для определенного оптимизма относительно возможного достижения компромисса между Китаем и его соседями. Практически все аналитики утверждают, что побудительными мотивами КНР к экспансии являлись расчет на богатые залежи нефти и газа, контроль над ключевыми морскими торговыми путями, проходящими через Южно-Китайское море и Малаккский пролив, а также над рыболовными зонами в одном из самых богатых рыбными запасами морей. Теперь эти расчеты на фоне глобального противостояния и совершенно новых мотиваций и угроз могут стать зоной компромисса. Объяснение этого феномена заключается в том, что сегодня не эти проблемы, а вопросы национальной безопасности выходят на первый план в процессе экспансии КНР в Южно-Китайском море. Этот регион превращается в важное место развития и продвижения китайских сил и средств раннего предупреждения о ядерном ударе. Согласно данным американской разведки, КНР разместила на новых насыпных островах оборудование, создающее помехи для систем связи и радиолокационных систем американских военных кораблей и самолетов. Причем развернуто оно было совсем недавно, в течение последних 90 дней, на рифах Мисчи (Мэйцзи) и Файери-Кросс¹.

Морской компонент своих стратегических ядерных сил Китай развивает на подводных лодках, крупнейшей базой которых стала гавань Юйлинь на острове Хайнань. Особенность рельефа морского дна делает акваторию Южно-Китайского моря наиболее подходящим местом для того, чтобы китайские атомные ракетноносцы могли выходить в открытый океан незаметно для американских спутников. Если следовать логике китайских военных, то контроль над Спратли и значительной частью Южно-Китайского моря необходим КНР не только чтобы защититься от американских ракет, но и для того, чтобы США и их союзники не смогли перекрыть жизненно важные морские экономические артерии и удушить страну экономической блокадой, о которой постоянно говорится в американской прессе.

В то же время при общем негативе развития ситуации в Южно-Китайском море можно сказать, что переход конфликта с регионального на глобальный уровень подталкивает Китай и его региональных соперников

к серьезному пересмотру, казалось бы, давно устоявшихся представлений и в некотором смысле открывает новые возможности для поиска компромисса между ними. Во-первых, все участники застарелого конфликта теперь делают совершенно иные ставки, которые требуют максимально ответственного подхода к своим действиям. Во-вторых, если главным драйвером китайской политики являются не только рыбные запасы этого моря и нефтегазовые перспективы, то очевидно, что у Китая открывается «окно возможностей» для поиска компромисса со странами АСЕАН. Это тем более важно, что американцы шаг за шагом пытаются перетянуть их на свою сторону. При этом нынешние притязания США и претензии к Китаю носят вполне конкретный характер: они стремятся к свободе рыболовства и хотят эксплуатировать богатства Южно-Китайского моря в своих интересах. В ситуации глобального противоборства власти КНР вполне могут пойти им навстречу, как недавно с Филиппинами, подписав договор о совместной разведке и использовании минеральных богатств на спорных акваториях и объявив Южно-Китайское море морем «дружбы и сотрудничества»². Ведь в условиях противостояния с США Китаю крайне важно, чтобы страны АСЕАН не оказались в американском лагере или не превратились в вашингтонских марионеток. Кстати, в этом плане Китай может найти поддержку и среди влиятельной части асеановских политических элит, видные представители которых уже не раз публично озвучивали свое желание оказаться вне глобального противостояния Пекина и Вашингтона и сохранить свободу в выборе внешнеполитических партнеров.

Асеановцы не скрывают, что хотели бы иметь с КНР конструктивные отношения, они выступают против того, чтобы взять на себя роль передового американского фронта против Китая, с которым они вполне успешно развивают торгово-экономические отношения в рамках общей зоны свободной торговли. В то же время они не хотят выступать и как приводной ремень американской политики в регионе. Вопрос в том, насколько им удастся добиться этой цели в условиях разрушения традиционного общеазиатского культурного пространства, происходящего буквально на наших глазах, когда формирование новых, так сказать, «гибридных» восточно-западных культур вызывает новые противоречия и обостряет старые.

Сложность и особенность текущей ситуации в Южно-Китайском море заключается в том, что даже серьезные возможные подвижки в отношениях Пекина со своими соседями совершенно не гарантируют снижения напряженности и не помогут избежать возможной новой войны. Мы можем рассчитывать лишь на некоторое ослабление напряженности, но конфликт не будет исчерпан, так как глобальные противоречия современных супердержав — Китая и США — носят более глубокий характер и охватывают не только спорные акватории Южно-Китайского моря. В этой констатации — горечь от того, что в свое время не удалось урегулировать конфликт, когда он находился еще на стадии регионального, и тревога относительно того,

¹ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20180410/1518270568.html>

² РИА Новости. 2018. 10 апр.

сможем ли мы найти выход, столкнувшись с одной из опаснейших черт глобализма, связанной с соперничеством великих держав за доминирование как в отдельно взятом регионе, так и в мире в целом. Поэтому контуры будущего, несмотря на все возможные уступ-

ки региональных государств друг другу, остаются для стран Юго-Восточной Азии опасно неопределенными, вроде черной тучи, которая только и ждет своего часа, чтобы превратить окружающий мир в неуправляемую и опасную стихию.